ЛАПШИН

Автор: словарь
20.09.2008 19:14 -

ЛАПШИН Иван Иванович (1870—1952) — русский философ, психолог, ученик и последователь Введенского. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, по окончании которого был командирован за границу.

Работал в Британском музее, специализировался по кантианству в английской философии, с 1897 — приват-доцент, с 1913 — экстраординарный профессор Петербургского университета, преподавал логику в Александровском лицее. В 1906, минуя степень магистра, защитил докторскую диссертацию ("Законы мышления и формы познания"). В 1922 выслан из России. Был профессором Русского юридического факультета в Праге.

Главный труд — "Законы мышления и формы познания" (1906). Л. также автор работ: "Проблема "чужого я" в новейшей философии" (1910); "Гносеологические исследования. Вып. 1. Логика отношений и силлогизм" (1917); "Философия изобретения и изобретение в философии" (тт. 1—2, 1922); "Художественное творчество" (1922); "Философские взгляды Радищева" (1922); "Эстетика Достоевского" (1923); "Феноменология" (1937) и др. Обосновывая систему абсолютного имманентизма, Л. полностью отрекается от метафизики, стесняющей своими догматами свободу мысли.

Обладая обширной эрудицией, Л. в своих работах систематично разобрал основные метафизические построения западной и российской философий, показав, что во всех них речь идет о "проблематических объектах мысли". Метафизический дуализм "вещей в себе" и "познающего субъекта" Л. называет "фальшивым", "фикцией" и т.п., за ним стоит "мышление в несобственном смысле слова". Гармония духа как цель критической философии недостижима на почве метафизики. Познаваемы только те предметы, которые обладают чувственным содержанием, будучи оформлены временем, пространством и другими категориями, т.е. даны в опыте. За "вещь в себе", считает Л., принимают неисчерпаемость явлений.

Показать это и призвана философия, которая должна первоначально доказать изначальную слитость и взаимопроникновение форм познания и законов мышления. Законы познания — суть законы мира, "потому, что самый мир мне дан как представление и, следовательно, a priori подчинен логическим условиям представимости — категориям". В свою очередь, субъективность сводима к логическому единству сознания.

Основной закон — закон противоречия, который (как и другие законы мышления) не обладает онтологическим статусом, не применим вне опыта, а следовательно, и к "вещам в себе", о которых нельзя сказать, существуют они или нет. Л. вводит понятие сплошного опыта, в котором неразличимы ощущения, формы созерцания и категории. Только те или иные интенции сознания актуализируют определенные сегменты опыта, перадресовывая на них внимание. Ощущения, созерцание, опыт в целом даются нам через акты суждения, обусловлены ими в силу единства самосознания. С этих позиций Л. дана критика баденского неокантианства (Виндельбанда) за его попытку разделения законов природы и законов истории. Познание идет через постепенную выработку в сознательном понятии апостериорным путем априорных форм, которые, хотя и присущи человеческому сознанию извечно, раскрываются ему не сразу.

В ходе познания будут вскрываться понятия, уже заданные самой структурой сознания (важно их "усмотреть"). Таким образом, законы мышления находятся "виртуально" в тесной связи с материалом чувственного познания. Отсюда определение Л. своей позиции как "виртуального априоризма" и тезис об оправданности для имманентизма эмпирического реализма. Метафизике в этих построениях нет места, и ее появление свидетельствует, согласно Л., о редукции философии к мифологии (в этом ключе Л. был проделан анализ гносеологического символизма, рассматривающего явление как символ "вещи в себе"). Однако в этом пункте размышлений для него встает проблема реальности "чужого я", так как чужая душа и "дана" и "не дана нам". Будучи имманентна нашему сознанию, она всегда и запредельна ему, что противоречит исходным принципам Л., — "чужое я" есть тогда лишь гипотетическая конструкция: мы постоянно переживаем иллюзию непосредственной данности "чужого я", в основе которой — склонность к "эстетической перевоплощаемости". Фактически же я познаю лишь непрерывные подстановки душевных состояний в "чужом я".

Трансцендентное "чужое я" заменяется имманентным представлением о плюрализме сознаний. Во многом сложность этой проблемы для философии Л. объясняется невыраженностью у него традиционной для кантианства моральной проблематики (его интересы смещены в эстетическую сферу) и его активным неприятием того, что он называл "интеллектуальной трусостью". Под последней он имел в виду непоследовательность в мышлении, возникающую из-за боязни утратить такие ценности, как, например, вера в Бога, что вытекает из последовательного отрицания метафизики. Последние работы Л. (пражского периода) были посвящены главным образом вопросам творчества в области философии, науки и, в первую очередь, искусства, а также изучению русской и чешской культур (прежде всего музыки).

В.Л. Абушенко